

М. ГЕЛЛЕР

М. Горький и лагеря*

Соловки — первый опыт

«Концлагерь» — становится в середине 1930-х годов словом, вызывающим ужас и отвращение во всем мире. В это время становятся известными имена первых гитлеровских концлагерей — Дахау, Ораниенбаум. В советской России с начала 1920-х гг. слова символизирующие насилие, бесправие, жестокость — это ОГПУ, Лубянка, Соловки.

Название группы небольших островов в Белом море — самый крупный из них назывался Соловецкий остров — за короткий срок приобретает известность, какую не могли ему дать 4 века монахи, построившие на негостеприимной земле монастырские кельи и крепость для защиты северных границ России.

Первые крупные партии заключенных начали приходить в Соловки (называвшиеся отныне Соловецкие лагеря особого назначения, сокращенно — СЛОН) летом 1923 г.¹ Прибывали они на Соловки из других северных концентрационных лагерей — Архангельского, Холмогорского, Пертоминского² и делились на три основные группы — контрреволюционеры (сокращенно «каэры»), уголовники и политические.

Лишь последняя категория была определена достаточно точно. ОГПУ относило к политическим заключенным — эсеров, меньшевиков и анархистов.

---

* Главы из кн.: *Геллер М.* Концентрационный мир и советская литература. Overseas Publications Interchange Ltd. London 1974 (М.: МИК, 1996. 319 с.). Глава 3. «Соловки — первый опыт». С. 79–84. Глава 4. «М. Горький и лагеря». С. 84–95.

¹ Соловкам посвящена обильная литература, как мемуарная, так и художественная, написанная, однако, вне Советского Союза, главным образом бывшими узниками Соловецкого концлагеря, которым удалось спастись и попасть на Запад. В 1971 г. издательство «Посев» опубликовало, давно уже распространяемую Самиздатом книгу Екатерины Олицкой «Мои воспоминания». Олицкая — эсерка, проведенная в лагерях более 25 лет, начала свой каторжный путь с Соловков.

² Название лагеря у разных авторов дается по разному — Портаминский, Петроминский. В «Атласе СССР» (М., 1955, карта 23–24) значится «Петроминск».

Члены других политических партий — кадеты, трудовики, народные социалисты и т. д. считались контрреволюционерами и содержались вместе с уголовными преступниками. Различные параграфы статьи 58 Уголовного кодекса, статьи «контрреволюционной», получали бывшие офицеры царской армии, бывшие чиновники, крестьяне-участники вооруженных восстаний, церковные деятели и простые священники, а кроме того нэпманы и различного рода аферисты, обвинявшиеся в «экономической» контрреволюции.

Соловки были лагерем ОГПУ, и все заключенные, попавшие в этот лагерь, приезжали с приговором коллегий ГПУ. Сроки наказания колебались от 3 до 10 лет.

Линия, делившая всех заключенных на две неравные части проходила между политическими и всеми другими. Первые имели право на «политический режим». Они получали лучшее питание — «политпаек», сохраняли при себе все свои личные вещи, могли выписывать журналы и газеты, жили вместе и, главное, были освобождены от принудительных работ³. Политические заключенные добивались улучшения режима ценой голодовок, коллективных выступлений, протестов. Лагерное и тюремное начальство шло на уступки лишь в случаях крайней необходимости. <...>

Положение заключенных, находившихся на общем режиме, нельзя даже сравнивать с положением политических. Подавляющее большинство узников Соловецкого лагеря мерзло, голодало, умирало от тифа, от цинги, выполняло тяжелую работу в тяжелейших условиях, в условиях полного произвола начальства. <...>

Характерной особенностью соловецкого концентрационного лагеря было «самоуправление». Если не считать начальника лагеря, его заместителя и начальника спецчасти, все посты в лагере занимали заключенные. В подавляющем своем большинстве это были бывшие сотрудники ЧК или ГПУ, совершившие служебные или иные преступления. Были среди лагерного начальства и уголовные преступники и даже — в очень редких случаях — «каэры». Многие особенности концлагерей связаны с «самоуправлением», с передачей власти людям, лишенным прав, старающимся выслужиться и заслужить снижение срока.

Террор становится саморазвивающейся системой. Терроризованные заключенные используются для терроризирования других. Жертвы принуждаются к сотрудничеству с палачами, сами становятся палачами. Соловки служат как бы полигоном для испытания новых форм и методов лишения человека свободы, новых форм и методов принуждения.

³ Олицкая Е. Мои воспоминания: в 2 кн. / обл. Н. И. Николенко. Frankfurt/М: Посев, 1971. Т. I. С. 217–219.

Это были, по выражению современного писателя, лишь «робкие зачатки лагерной культуры, седой каменный век, цыпленок, едва вылупившийся из яйца...»⁴. Но для тех, кто не мог видеть будущего, Соловки были последним кругом ада.

Есть и вторая причина, по которой Соловки навсегда вошли в историю концентрационных лагерей. Именно там была изобретена, открыта возможность использования рабского труда заключенных. И в этом отношении Соловки были опытным полем. Советская республика уже знала принудительный труд в концентрационных лагерях 1918–1920 годов, знала трудовые мобилизации. В 1925–1926 гг. на Соловках начинается использование заключенных, примерно так, как они использовались в рабовладельческих обществах древней Греции или Египта.

В первой советской конституции 1918 г. было сказано: «Кто не работает — тот не ест». Это был девиз нового общества. Первые концентрационные лагеря были одновременно и местом наказания, и местом перевоспитания. Трудом учили, трудом наказывали. Труд — как мера наказания и воспитания нового человека — кладется в основу советской пенитенциарной системы в начале 20-х гг.

В середине 1920-х гг. на Соловках труд заключенных начинает использоваться как товар и как цена свободы.

До этого времени заключенные работали главным образом для лагеря. Теперь они начинают работать «на экспорт», кроме того создаются отделения Соловецкого лагеря на побережье, предназначенные для выполнения определенных работ. «СЛОН» превращается в «УСЛОН», в Управление северных лагерей особого назначения. <...>

Новая система использования заключенных включала — самоохрану, питание в зависимости от выработанной нормы, зачеты рабочих дней в зависимости от результатов труда. Усиленный труд оплачивался лучшим питанием и досрочным освобождением.

Вопросы вины, преступления, наказания теряют свой смысл. Значение сохраняет лишь одно — работа. Работа — искупает все. Тот кто хорошо, много работает — тот перевоспитался, стал полезным членом общества. Судьба и характер человека, которого можно назвать «изобретателем» новой системы использования труда заключенных символизирует и эту систему, и эпоху, в которой система родилась. <...>

Зловещей иронией оборачивается смысл плаката, встречавшего заключенных, прибывавших на Соловки: «Мы путь земле укажем новый — владыкой мира будет труд!» <...>

---

⁴ Гроссман Вас. Все течет... С. 95.

М. Горький и лагеря

20 июня 1929 г. Максим Горький «приезжает на остров Соловки. Знакомится с жизнью Соловецкого лагеря»⁵. В конце года, в двух номерах журнала, озаглавленного «Наши достижения», писатель публикует рассказ о своих впечатлениях.

Очерк Горького представляет интерес не только сам по себе, но и потому, что он намечает темы рождающейся «лагерной литературы», отношение к обитателям лагерей, к лагерному труду. Очерк Горького становится образцом нового отношения к действительности, образцом новой литературы, которая пять лет спустя получит название литературы социалистического реализма.

Для того чтобы понять важнейшие черты рождающейся «лагерной литературы», необходимо познакомиться с эволюцией взглядов Горького на советскую действительность в десятилетие, прошедшее после Октябрьской революции.

Горький, поддерживавший всеми бывшими в его распоряжении средствами большевистскую партию долгие годы до революции, связанный дружбой со многими ее вождями, в т. ч. и с Лениным, встретил Октябрьский переворот резко враждебно. В редактируемой им газете «Новая жизнь», Горький печатает в 1917–1918 гг.⁶ свои публицистические статьи «Несвоевременные мысли», резко критикуя захват власти большевиками.

Горький упрекает советскую власть в «придушении... газет враждебных ей»⁷, в отсутствии свободы слова, в том, что она пытается «создать новую государственность на основе старой — произволе и насилии»⁸, во множестве других грехов.

Основная причина расхождения между Горьким и большевистской партией была, однако, в другом. Убежденный в том, что он знает Россию и русских значительно лучше вождей большевистской партии, Горький считал, что русский народ еще не готов к такой революции, какую начал Ленин. Горький был убежден, что разбуженный радикальными революционными лозунгами народ в стихийном гневе и ненависти

⁵ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. М.: Изд-во АН СССР, 1959. Т. 3. С. 729.

⁶ «Новая жизнь» была окончательно закрыта (до этого закрывалась на время) 16 июля 1918 г.

⁷ Новая жизнь. 1918. № 89 (304). 14 (1) мая; Горький М. Несвоевременные мысли. Статьи 1917–1918 гг. Париж, 1971.

⁸ Там же.

уничтожит все элементы цивилизации, которые были с огромным трудом внесены в Россию горсткой интеллигентов.

Горький не перестает предупреждать: в крестьянской стране социалистическая революция невозможна, ибо крестьяне, составляющие 85% населения, еще в ней не нуждаются.

Горький констатирует: «Окруженные взволнованной русской стихией (большевики) ослепли интеллектуально и морально и уже теперь являются бессильной жертвой в лапах измученного прошлым и возбужденного ими зверя»⁹. Он ссылается на историю: «Парижскую коммуны зарезали крестьяне...»¹⁰ Он пророчествует: «Не черное ли это воронье и не заклюет ли оно насмерть городской пролетариат?»¹¹

И в итоге оказывается, что Горький расходится с большевиками лишь в одном. Они верят в свою силу. Он не верит в их силу, в их возможность обуздать крестьянскую стихию. Он боится того, что власть окажется в руках мужика. «Я особенно подозрительно, особенно недоверчиво отношусь к русскому человеку у власти, — недавний раб, он становится самым разнузданным деспотом, как только приобретает возможность быть владыкой ближнего своего»¹².

Власть в руках мужика, в руках русского крестьянина представляется Горькому самой страшной катастрофой в истории России, ибо он убежден, что «основным препятствием на пути России к европеизации и культуре является факт преобладания безграмотной деревни над городом, зоологический индивидуализм крестьянства и полное отсутствие в нем социальных эмоций»¹³.

Выехав из советской России в 1921 г., Горький в эмиграции приходит постепенно к убеждению, что он ошибся в главном, в оценке возможностей большевистской партии удержать власть и навязать свою волю крестьянской стихии.

В центре всех забот Горького стоит интеллигенция — то главное, без чего Россия жить не может. И когда дело идет о голоде, поглотившем миллионы жертв, голоде, борьбе с которым Горький отдает все свои силы и находясь в России, и в эмиграции, он прежде всего думает об интеллигенции. В письме американке Джейн Адамс, написанном 10 июня 1922 г., Горький пишет, что голод в России еще не прекратил-

⁹ Новая жизнь. 1918. № 13 (227). 19 янв. (1 февр.). Горький М. Несвоевременные мысли. С. 159.

¹⁰ Там же. № 48 (263). 22 (9) марта. Там же. С. 174.

¹¹ Там же. 1918. № 62 (227). 9 апр. (27 марта). Там же. С. 191.

¹² *Maxime Gorki. Lénine et le paysan russe. Traduits avec l'autorisation de l'auteur par Michel Dumesvil de Gramont. Aux Editions du Sagittaire. Paris, 1925. P. 47.*

¹³ Там же.

ся, что по-прежнему нужна помощь для спасения от смерти миллионов крестьян, и продолжает:

«Позвольте также ... обратить Ваше внимание и в сторону русской интеллигенции, главным образом — русских ученых... Это — лучший мозг страны, творцы русской науки и культуры, люди необходимые России более, чем всякой другой стране. Без них — нельзя жить, как нельзя жить без души...

Их во всей России только 9000, — ничтожная цифра для такой огромной страны и для культурной работы, необходимой русским»¹⁴.

Гневно протестуя против суда над социалистами-революционерами, Горький заявляет 1 июня 1922 г. в письме заместителю Ленина Алексею Рыкову: «Если процесс социалистов-революционеров будет закончен убийством, — это будет убийство с заранее обдуманым намерением, — гнусное убийство». И продолжает: «Я прошу Вас, сообщить Л. Д. Троцкому и другим, что это мое мнение. Надеюсь, оно не удивит Вас, ибо Вам известно, что за все время революции я тысячекратно указывал Советской власти на бессмыслие и преступление истребления интеллигенции в нашей безграмотной и некультурной стране»¹⁵.

Отношение Горького к крестьянству (народу) и к интеллигенции легче всего понять, мне кажется, вспомнив об отношении Горького к труду. «Мне казалось, — писал Горький о волжском купце Бугрове, — что к труду он относился почти религиозно... Это совпадало с моим отношением к труду; для меня труд — область, где воображение мое беспредельно»¹⁶. Всю свою жизнь Горький особенно отмечал, особенно любил людей, которые умеют, любят работать. Он отмечал и любил их тем более, что видел, как их мало в России. «Народ хочет есть как можно больше и работать как можно меньше, он хочет иметь все права и никаких обязанностей... В особенности это относится к массе русских крестьян»¹⁷. Горький в этом отношении полностью разделял взгляды Ленина, считавшего, что «русский человек — плохой работник по сравнению с передовыми нациям...»¹⁸ и что «работать мы умеем хуже всех»¹⁹.

Горький выделяет из этой массы русского народа, не желающего и не умеющего работать, горстку интеллигентов — творцов науки

¹⁴ Письмо впервые опубликовано: Новый журнал. 1966. № 79. С. 285–287.

¹⁵ Письмо не опубликовано. Хранится в архиве Б. Николаевского в Институте Гувера. Фотокопия помещена в книгу: *Bertram D. Wolfe. The Bridge and Abyss. The Troubled Friendship of Maxim Gorky and V. I. Lenin.* Pall Mall Press. London, 1967.

¹⁶ *Горький М.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 18. С. 205.

¹⁷ *Gorki M.* Lénine et le paysan russe. P. 104–105.

¹⁸ *Ленин В.* Полн. собр. соч. Т. 36. С. 189.

¹⁹ Там же. Т. 45. С. 247.

и культуры. В середине 1920-х гг.²⁰ он приходит к выводу, что Россия меняется в главном для него — в отношении к труду, что Россия начинает работать по-настоящему. В ОГПУ видится ему главный учитель труда. Уже в первый свой проезд в Россию — после семилетнего отсутствия — Горький наряду со строительством Днепровской гидроэлектростанции и новостройками в кавказских республиках посещает трудовые колонии ОГПУ в Болшево и Харькове. Деятельность ОГПУ по перевоспитанию малолетних преступников с помощью труда кажется писателю «совершенно изумительным, глубоко важным делом»²¹. Вернувшись через год в Советский Союз, Горький 20 июня 1929 г. приезжает в Соловки. В начале лета, в солнечный день — вспоминает очевидец-заключенный, — в соловецкую гавань «пароход привезет Горького... Окруженный чекистами, Горький с сыном и невесткой сойдет с парохода, приехавшие и встречавшие усядутся в блестящие лаком коляски... По пути будут стоять махальные, — наши властители, старосты и командиры рот: при приближении экипажей они будут давать сигналы дальше, чтобы все впереди успели убрать с дороги все, могущее оскорбить глаза приехавшего. Взволнованные заключенные будут стараться увидеть Горького: ведь приехал Горький, буревестник свободы! Горький, столько лет боровшийся против горя и несправедливости!»²². Начало своего очерка Горький посвящает бывшим обитателям Соловков — монахам, в т.ч. тем из них («больше полусотни») ²³, кто остался на острове и после превращения его в концлагерь. «На пароходе из Кеми в Соловки я спросил монаха: — А начальство как относится к вам? — Начальство тут желает, чтобы все работали. Мы — работаем»²⁴. Монахи — для Горького представители старого, разложившегося, неисправимого мира, мира религиозного обмана, «политико-экономический смысл» которого «для нашего времени вскрывается очень просто»²⁵, мира разврата и пьянства.

²⁰ Густав Герлинг-Грудзинский в эссе «Семь смертей Максима Горького» относит перелом в отношении к советской власти у Горького к июлю 1925 г., когда в Сорренто гостил у писателя Петр Крючков, ставший затем личным секретарем Горького, связанный с ОГПУ и расстрелянный в 1938 г. за «участие в убийстве Горького». Если даже проезд Крючкова сыграл какую-то роль, то несомненно, что Горький был уже готов к перемене своего отношения к советской России. См.: *Gustav Herling-Grudziński. Drugie przyjscie oraz opowiadania i szkice. Instytut Literacki. Parz, 1965.*

²¹ Летопись жизни и творчества А. М. Горького. Т. 3. С. 638; *Кольцов М.* В монастыре // *Кольцов М.* Избр. произведения: в 3 т. Т. 1. М.: ГИХЛ, 1957. С. 300–306.

²² *Андреев Г.* Соловецкие острова. 1927–1929 // *Грани.* 1950. № 8. С. 76.

²³ *Горький М.* Собр. соч.: в 30 т. Т. 17. С. 204.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 202.

Вступив на остров, Горький встречается с новым миром. «Хороший ласковый день. Северное солнце благосклонно освещает казармы, дорожки перед ними, посыпанные песком, ряд темнозеленых елей, клумбы цветов, обложенные дерном. Казармы новенькие, деревянные, очень просторные: большие окна дают много света и воздуха»²⁶.

В этих условиях живут заключенные, о которых Горький хочет писать, которые его интересуют. Не интересуют его — политические. «Партийных людей, — пишет он, — за исключением наказанных коммунистов²⁷, — на острове нет, эсеры, меньшевики переведены куда-то»²⁸.

Не интересуют Горького и те, кого он называет «политическими» в кавычках: «сторонники террора», «экономические шпионы», «вредители», вообще «худая трава», которую «из поля-вон» выбрасывает справедливая рука истории»²⁹. Не интересуют его уголовники с «дегенеративными лицами».

Внимание писателя привлекают малолетние преступники³⁰, посланные в Соловки для «перевоспитания трудом». «Ночь Горький проведет в колонии малолетних преступников, — вспоминает очевидец. — Всю ночь он будет слушать воровские песни, рассказы малолеток о своей жизни, о Соловках. А на другой день он уедет в Москву, в мир, увозя с собой и показанное чекистами и услышанную правду»³¹.

«Услышанная правда» в передаче Горького звучит двойственно. «Выспрашиваю ребят, ближайших ко мне: Трудно вам здесь? — Не легко. — Прямо говори — тяжело! — советует другой. Жалуются довольно откровенно, однако единогласия нет: то один, то другой “вносят поправки”. — Все-таки не тюрьма!.. За моей спиной спорят вполголоса: — Шкуру дерут... — Кто дерет? Своя рука. — Не зря называется: рабоче-крестьянская... — Н-ну... Для своей — тяжела»³².

²⁶ Там же. С. 207.

²⁷ Горький имеет в виду не оппозиционеров, а коммунистов, совершивших уголовные преступления.

²⁸ Е. Олицкая (Мои воспоминания. Т. I, с. 275–290) рассказывает о вывозе весной 1925 г. политических заключенных из Соловков в политизоляторы. Но осенью того же года политических заключенных-меньшевиков, эсеров стали снова посылать на Соловки. См.: Социалистический вестник. 1927. № 1 (143). 15 янв.

²⁹ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 17. С. 223.

³⁰ УК допускал применение наказания по отношению к несовершеннолетним, начиная с 14 лет. См.: История советского государства и права. Т. 2. С. 575. Описывая своих собеседников, Горький называет их «ребята», но указывает одновременно, что «по внешности — все это люди возраста от 20 до 30 лет». По закону — «малолетки» — дети от 14 до 18 лет.

³¹ Андреев Г. Соловецкие острова. С. 76.

³² Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 17. С. 209, 210.

Горький резко противопоставляет уголовных преступников некоему молодому человеку, который приносит писателю «лист бумаги, сложенный вчетверо» — заявление. Появление «человечка» вызывает «громкие крики ребят: — Это шпион!.. Он против советской власти. Рябой парень, сосед мой, ворчал: — Мы воры, а на такие штуки не ходим... Родину не продаем»³³.

Так намечается конфликт, многократно повторенный в советской литературе, — конфликт между «честным» советским вором и шпионом, либо вредителем, продающим Родину. Как для Горького, так и для тех писателей, которые используют этот сюжет, совершенно очевидно, что вор — легко исправим, шпион — неисправимый враг.

«Рабочий — пишет Горький, — не может относиться к “правонарушителям” так сурово и беспощадно, как он вынужден отнестись к своим классовым, инстинктивным врагам, которых — он знает — не перевоспитаешь... “Правонарушителей”, если они — люди его класса — рабочие, крестьяне, — он перевоспитывает легко»³⁴.

Горький формулирует в законченной форме одну из характернейших черт советских концентрационных лагерей: уголовники — «социально близкий» элемент, контрреволюционеры (и все те, кого в эту категорию включали) — «социально чуждый элемент».

Осмотрев Соловки, поговорив с малолетними преступниками, побывав на концерте, устроенном заключенными, Горький приходит к «ясному выводу». «Мне кажется, — пишет он, — вывод ясен: необходимы такие лагеря, как Соловки...»³⁵. Горький повторяет формулу Дзержинского — концентрационные лагеря — это школа труда, заявляя: «“Соловецкий лагерь” следует рассматривать как подготовительную школу...»³⁶.

Не только одно поклонение труду диктовало Горькому его положительное отношение к Соловецкому лагерю. Анализируя очерк «Соловки», нельзя не прийти к выводу, что несмотря на серьезные, следует полагать, усилия хозяев, гостю — Горькому удалось увидеть кое-что из подлинной действительности лагеря. Он заметил наличие самоохраны, «работают, — как выражается писатель, — под наблюдением своих же товарищей»³⁷. Он заметил наличие круговой поруки,

³³ Там же. С. 212, 213.

³⁴ Там же. С. 230.

³⁵ Там же. С. 231. А. Солженицын, вспоминая о лагерях, носивших имя Максима Горького, замечает: «Скажешь лихое словечко, глядь — а ты ведь уже не в литературе» («Архипелаг ГУЛАг». Т. I. С. 509). Не было ли одним из таких «словечек» утверждение: «необходимы такие лагеря, как Соловки...»?

³⁶ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 17. С. 230.

³⁷ Там же. С. 227.

т. е. коллективной ответственности за побег³⁸. Но заметив все это, заметив некоторые из страшных сторон соловецкой жизни, Горький не написал об этом. И не потому, что этого не напечатали бы, а потому что он не хотел этого писать.

И здесь мы переходим ко второй важнейшей черте, определяющей мировоззрение Горького. Мы говорили о его отношении к труду. Теперь следует остановиться на его отношении к правде и лжи.

В 1954 г. в «Социалистическом вестнике» были напечатаны воспоминания П. Мороза, сопровождавшего Горького во время его поездки по Советскому Союзу в 1929 г., встречавшегося с писателем и потом. На вопрос Мороза: «Как вы могли допустить появление в таком виде в печати вашей статьи о Соловецких островах?» — Горький якобы ответил: «Что же касается статьи с моими впечатлениями о Соловецких островах, опубликованной в печати, то там карандаш редактора не коснулся только моей подписи — все остальное совершенно противоположно тому, что я написал, и неизвестно»³⁹.

Объяснение это выглядит неубедительным и потому, что Горький уезжал в 1929 г. снова в Италию и мог, если бы действительно так исковеркали его текст, возразить, и потому, что есть письма, в которых он — без редактора — выражает свои взгляды, противоречащие утверждению об имевшем якобы место искажению его статьи о Соловках, и потому, наконец, что всю свою жизнь Горький утверждал примат «возвышающего обмана» над «низкими истинами».

Лишь однажды после Октябрьского переворота, в период «Несвоевременных мыслей», Горький изменяет своему всегдашнему убеждению, что о человеке нужно говорить только хорошо — и тогда он станет хорошим, что «горькая правда» хуже «сладкой лжи».

«Отступничество» Горького клеймит пролетарский поэт Василий Князев в стихотворении «Травимый народ»:

Пусть так — гнила его порода,
Пусть так — темна и вяла Русь, —
Пороков русского народа
Клеймить пером я не решусь.
В порыве ложном благородства
Отцовских язв не покажу,
Зевакам падким до уродства,
Следов цепей не покажу...

³⁸ Там же. С. 229.

³⁹ Цит. по кн.: *Шуб Д.* Политические деятели России. Нью-Йорк: Изд. «Нового журнала», 1969. С. 343.

Пусть Горький возит по музеям,
Во имя истины, слепца, —
Я иноземным ротозеям
Родного не предаю отца!
Затру его страданий ложе
Непроницаемую тьмой:
Покой болящего дороже
Мне даже истины самой!⁴⁰

После первого визита в Советский Союз Горький, если так можно выразиться, «берет на вооружение», почти дословно, все аргументы Князева⁴¹, потому, конечно, что это были его собственные мысли, от которых он отказывался лишь на очень короткое время.

В письме Екатерине Кусковой, написанном в 1929 г., Горький четко излагает свое «кредо»: «Вы привыкли говорить о фактах, которые вызывают у вас отвращение. Со своей стороны, я не только считаю своим правом молчать о них, но я рассматриваю мою способность это делать одним из моих главных достоинств... Вы скажете — неморально... Пусть так. Дело в том, что я искренне и непреклонно ненавижу ту правду, которая является проклятием и ложью для 99 процентов народа. Вы знаете наверно, что во время моего пребывания в России я публично выступил, как в печати, так и на встречах с товарищами, против самокритики, против привычки мешать и ослеплять народ вредной и роковой пылью повседневной правды... Этим людям не нужна мелкая проклятая правда, которую они сами создают для себя...»⁴².

В письме к сельскому учителю Новоселову, написанному примерно в то же время, что и письмо Кусковой, Горький повторяет свою мысль о необходимости видеть в первую очередь «хорошее». «Надо помнить, — пишет он, — что люди до ужаса тонко умеют и делают и понимать плохое, они учились этому веку»⁴³. Поэтому Горький остро протестует против самокритики, ибо она, во-первых, понижает «культурно-революционный

⁴⁰ Князев В. Красные звоны и песни. Пг., 1918. С. 27–28.

⁴¹ Есть основания полагать, что Горький, доброжелательно относившийся к Князеву до революции (см.: *Евстигнеева Л.* Журнал «Сатирикон» и поэты-сатириконицы. М.: Наука, 1968. С. 353), резко изменил к нему отношение после этого стихотворения и помнил обиду до смерти (см.: Лит. наследство. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: Изд. АН СССР, 1963. С. 24, 196, 678–681; *Шкана И.* Семь лет с Горьким. М.: Сов. писатель, 1966. С. 290–293). Может быть, обида была особенно острой, потому что Князев так точно выразил взгляды Горького.

⁴² Кускова Е. На рубеже двух эпох: Памяти А. М. Горького // Последние новости. 1936. 26 июня.

⁴³ Лит. наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. С. 293.

пафос крестьянской и рабочей молодежи», а во-вторых, «самокритика» в принятых у нас формах играет в руку нашим врагам».

Провозглашенная Горьким вера в человека, в то, что в глубине души человек хорош, но не знает об этом, вера в благодетельные свойства труда, высвобождающие все хорошее в человека, приводят писателя к убеждению в необходимости «спасительного обмана», во вреде «горькой правды». Совпадение между взглядами Горького и постановлением ЦК ВКП(б) гласящим: «Усилить освещение положительных фактов нашего строительства... Обратить внимание на тщательный выбор фактов, давая примеры подлинно хорошего...»⁴⁴, объясняется, мне думается, не изменением взглядов Горького в угоду ЦК, не его изменой самому себе, а действительной встречей взглядов Горького и советской власти, действительным их совпадением.

«Соловки» Горького — первый образец советской апологетической лагерной литературы, первая проба не оправдания лагерей, а утверждения их необходимости и благотворности.

Чтобы представить себе насколько необычным для русской литературы был подобный подход к лишению свободы лучше всего вспомнить «Остров Сахалин» Чехова: поездку совершенную Чеховым на каторжный «остров страданий» в условиях ничем не похожих на условия, в которых путешествовал Горький, страшные своей суровой объективностью и достоверностью записи о сахалинской действительности. В мои намерения не входит сравнительный анализ очерков Чехова и Горького. Достаточно убедительным примером различного отношения двух писателей к тюрьме и заключенным может служить, мне кажется, их отношение к музыке на каторге.

Горький присутствовал на концерте в соловецком театре и подробно, одобрительно рассказав о нем, пишет: «Концерт был весьма интересен и разнообразен»⁴⁵. Чехов пишет, что ему приходилось читать о «гармониках и разудалых песнях» на Сахалине. Сам он этого не слышал и не видел, но «даже если бы мне случилось услышать, кроме звона цепей и крика надзирателей, еще разудалую песню, то я почел бы это за дурной знак, так как добрый и милосердный человек около тюрьмы не запоет»⁴⁶.

⁴⁴ Постановление «О первых итогах проведения самокритики» // Правда. 1928. 20 авг.

⁴⁵ Горький М. Собр. соч.: в 30 т. Т. 17. С. 225.

⁴⁶ Чехов А. П. Собр. соч.: в 12 т. М.: ГИХЛ, 1956. Т. X. С. 245.